

ЮМОР В ПОЭЗИИ

Начнем, как всегда с Пушкина, эпиграммы которого были остры и даже злы, и мгновенно расходились среди петербургского бомонда.

В Академии наук

Заседает князь Дундук.

Говорят, не подобает

Дундуку такая честь;

Почему ж он заседает?-

Потому что ж[опа] есть.

Эта эпиграмма написана в 1835 г. на Дондукова-Корсакова, вице-президента Санкт-Петербургской Академии наук. Злые языки того времени связывали неожиданную карьеру недалекого провинциального чиновника Дондукова в Министерстве народного просвещения с тем, что тот в молодости находился в гомосексуальной связи с влиятельным в то время министром народного просвещения и президентом Академии Наук С. Уваровым, так что эпиграмма эта, возможно, куда более ядовита, чем кажется на первый взгляд...

(Надо заметить, что «жопа» – весьма нужная часть тела для эпиграмм. Взять хотя бы известную «словесную дуэль» 30-х годов прошлого века поэта Сергея Михалкова и сатирика Виктора Ардова:

В. Ардов – С. Михалкову: «Ему досталась от Эзопа не голова, а только жопа».

С. Михалков – В. Ардову: «Литературе нужен Ардов, как писсуар для леопардов, как жопе пара бакенбардов»).

**

Полу-милорд, полу-купец,

Полу-мудрец, полу-невежда,

Полу-подлец, но есть надежда,

Что будет полным наконец.

Данная эпиграмма Пушкина адресована новороссийскому генерал-губернатору графу Михаилу Воронцову, с которым поэт познакомился во время своей «южной ссылки» в 1823 г. Объективности ради надо отметить, что граф принял ссыльного поэта в Одессе очень дружелюбно, любезно ввел его в близкий круг своих приятелей, даже представил его своей супруге (которой любвеобильный Пушкин сразу увлекся). Граф Воронцов был противоречивой фигурой. Был талантливым и успешным военачальником, в боях отличался отвагой и хладнокровием, делил с рядовыми все их лишения. Вместе с тем был тщеславен, противодействия не терпел, любил лесть и был злопамятен. Пушкин же, как известно, был тоже «не подарок» - строптив и непокорен; короче: «нашла коса на камень»... В 1824 г. Воронцов написал министру иностранных дел К. Нессельроде письмо, в котором просил «убрать Пушкина подальше». Позднее, в 1825 г., в письме к А. Бестужеву поэт писал: «Мы (писатели) не хотим, чтобы нам покровительствовали равные. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его переднюю с посвящением или одою для него, а поэт является с требованием на уважение как шестисотлетний дворянин – дьявольская разница!». Какая все же это великая Личность - Пушкин! Какое яростное стремление к свободе вопреки всему! Для Пушкина его собственные строки: «*Пока свободою горим, пока сердца для чести живы...*» - это не просто красивые слова, это внутренние законы, по которым он жил и умер!

Козьма Прутков - это был такой «коллективный автор», если угодно - «литературная маска», под которой успешно выступали в печати (50—60-е годы XIX века) с сатирическими

стихами и афоризмами поэты А. К. Толстой и три брата Жемчужниковы (правда, их современники утверждали, что к этому кружку был причастен еще и забытый ныне А. Аммосов, российский поэт 1850-х годов, автор романсов (*например: «Хас-Булат удалой / Бедна сакля твоя»*)) - рано умерший боевой офицер). Вот образец их творчества, из которого выявляется высочайшая образованность этой «литературной компашки» под именем «Козьма Прутков»:

Дайте силу мне Самсона;
 Дайте мне Сократов ум;
 Дайте легкие Клеона,
 Оглашавшие форум;
 Цицерона красноречье,
 Ювеналовскую злость,
 И Эзопово увечье,
 И магическую трость!
 Дайте бочку Диогена;
 Ганнибалов острый меч,
 Что за славу Карфагена
 Столько вый отсек от плеч!
 Дайте мне ступню Психеи,
 Сапфы женственный стишок,
 И Аспазины затеи,
 И Венерин поясок!
 Дайте череп мне Сенеки;
 Дайте мне Вергилиев стих, —
 Затряслись бы человеки
 От глаголов уст моих!
 Я бы, с мужеством Ликурга,
 Озираясь кругом,
 Стогны все Санктпетербурга
 Потрясал своим стихом!
 Для значения инова
 Я исхитил бы из тьмы
 Имя славное Пруткова,
 Имя громкое Козьмы!

Я насчитал в этом коротком стихе 15 (пятнадцать!) ссылок на великих исторических или мифологических личностей!

Александр Архангельский (1889-1938), советский поэт-пародист, рано умерший от туберкулеза; обладал исключительным литературным талантом, тесно сотрудничал со знаменитыми в советскую эпоху карикатуристами Кукрыниксами. Ниже - его пародия на «колхозную тематику»:

Светит солнце ярко,
 поле, яр.
 Встретились доярка
 и дояр.
 Не мычат коровы
 и быки,
 Парень чернобровый
 у реки.
 Парень чернобровый,
 молодой...
 -Коровы здоровы?

Как удой?
 Голубые пашни,
 теплый взгляд...
 Силосные башни
 встали в ряд.
 Что же отвечала
 ты ему? -
 Только промычала:
 -Му... му... му-у...

Один из героев знаменитых «зашифрованных» воспоминаний В. Катаева «Алмазный мой венец» под псевдонимом «Эскес» - это **Семён Кесельман** (1889-1940) (т.е. «эскес» - это его инициалы «С.К.»), получивший признание одного из лучших одесских поэтов среди своих коллег по литературному цеху (а среди них были Валентин Катаев, Илья Ильф и Евгений Петров, Эдуард Багрицкий, Юрий Олеша, Семён Кирсанов, Вера Инбер – неслабо, правда?). Но все эти литераторы позже переехали в Москву и стали знаменитыми, а Кесельман остался в тогдашней провинциальной Одессе и обрек себя на безвестность... Тем не менее он был очень талантлив (*ниже – его пародия на И. Северянина, из книги В. Катаева*):

Кто говорит, что у меня есть муж,
 по кафедре истории прожектор. -
 Его давно не замечаю уж.
 Не на него направлен мой прожектор.
 Сейчас ко мне придет один «эксцесс»,
 так я зову соседа с ближней дачи,
 мы совершим с ним сладостный процесс
 сначала так, а после по-собачьи...

Булат Окуджава (1924-1997), выдающийся поэт и бард, в особом представлении не нуждается; многие его стихи-песни весьма язвительны; вот, например, блистательная пародия на СССР в период застоя (*отрывок*):

Римская империя времени упадка
 сохраняла видимость твердого порядка:
 Цезарь был на месте, соратники рядом,
 жизнь была прекрасна, судя по докладам.
 А критики скажут, что слово "соратник" –
 не римская деталь,
 что эта ошибка всю песенку смысла лишает...
 Может быть, может быть, может и не римская - не жаль,
 мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.
 Римляне империи времени упадка
 ели что придется, напивались гадко,
 а с похмелья каждый на рассол был падок -
 видимо, не знали, что у них упадок.
 А критики скажут, что слово "рассол", мол, не римская деталь,
 что эта ошибка всю песенку смысла лишает...
 Может быть, может быть, может и не римская - не жаль,
 мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.
 Римлянкам империи времени упадка,
 только им, красавицам, доставалось сладко -
 все пути открыты перед ихним взором:
 хочешь - на работу, а хочешь - на форум.
 А критики хором: "Ах, "форум", ах, "форум" –

вот римская деталь!
 Одно лишь словечко - а песенку как украшает!
 Может быть, может быть, может и римская - а жаль...
 Мне это немного мешает и замысел мой разрушает.

Юрий Левитанский (1922-1996), блистательный поэт, который также был известен в литературной среде как прекрасный пародист (*ниже - пародия на А. Вознесенского*):

Фиеста феерий!
Фатальная зависть!
Долой Рафаэля!
 Да здравствует заяц!
 Жил огненно-рыжий охотник Мишель.
 Из зайца он сделал, мошенник, мишень.
 Дабы добывать ежедневный пирог,
 он в зайца стрелял через задний порог.
 А заяка, а заяка бежал по параболе.
 Его не убили, его не поранили.
 Не делали пиф и не делали паф —
 он сам испугался, случайно упав.
 А заяка, а заяка
 уже — боже мой!
 Он белый, как сайка.
 Он антиживой.
 Распалась семья,
 в которой семь я,
 а восьмой,
 мерцающий, как неон,
 говорит, что и он — не он.

Феликс Кривин (1928-2016), российский, а потом израильский писатель и поэт, прекрасный и тонкий, один из основоположников литературного «интеллектуального юмора».

Я начал сказку так: «Однажды Заяц...»
 Потом чуть-чуть помедлил, сомневаясь.
 Потом, сомнения преодолев,
 Я начал сказку так: «Однажды Лев...»
 Потом сравнил я эти два «однажды»,
 Сообразил, что так бывает с каждым,
 Кто, в чем-то струсив, в чем-то осмелев,
 Однажды заяц, а однажды лев.
 О это всемогущее «Однажды»!
 «Однажды» труса делает отважным,
 Из робких зайцев делает мужчин.
 И это — сказки доблестный зачин!
 Однажды в сказке может все случиться.
 А кто за остальное поручится?
 Ведь даже сказка — в этом весь секрет —
 Однажды сказка, а однажды — нет.

Лев Лосев (1937-2009), известный русский поэт и литературовед, эмигрировал из СССР в США в 1976 г., преподавал русскую литературу в Дартмутском колледже (один из

старейших университетов США, входящий в элитную Лигу плюща); известен также своими ироническими стихами.

**На машинке старой стучал
25 часов на дню -
сочинял для театра кукол
я какую-то фигню.
Возле чеховской калитки,
там, где цвёл вишнёвый сад,
выводил своих на нитке
персонажей – пусть висят.
На машинке стучал, стучал,
стучал, стучал, стучал я...
Вот и стал одной из кукол,
кукол, кукол, кукол я!**

Владимир Высоцкий (1938-1980), выдающийся поэт, бард, актер. В его стихах-песнях много иронии, юмора, сарказма. Ниже - прекрасный образец его иронии по поводу штампов неуклюжей советской пропаганды: тупой американский шпион и хитроумный советский чекист (*отрывок*).

**Опасаясь контрразведки, избегая жизни светской,
Под английским псевдонимом «мистер Джон Ланкастер Пек»,
Вечно в кожаных перчатках, чтоб не сделать отпечатков,
Жил в гостинице «Советской» несоветский человек.**

(Кличка шпиона «Джон Ланкастер Пек» составлена из имен трех звезд Голливуда: Джон Вэйн, Берт Ланкастер, Грегори Пек).

**Джон Ланкастер в одиночку, преимущественно ночью,
Чем-то щелкал, в чем был спрятан инфракрасный объектив.
А потом в нормальном свете, представало в черном цвете
То, что ценим мы и любим, чем гордится коллектив.
Клуб на улице Нагорной стал общественной уборной,
Наш родной центральный рынок стал похож на грязный склад.
Искаженный микропленкой, ГУМ стал маленькой избенкой.
И уж вспомнить неприлично, чем предстал театр МХАТ.**

(В 60-е годы прошлого века «бунтарский» Театр на Таганке под руководством знаменитого Ю. Любимова, где служил Высоцкий - был сверхпопулярен (билетов не достать!), а МХАТ (до прихода худруком О. Ефремова в 1970 г.) переживал, под руководством безликого В. Богомолова, творческий кризис, его постановки были «махрово-советскими», его зал был полупустым, его труппа насчитывала полторы сотни актёров, многие из которых не выходили на сцену годами).

Далее тупой американский шпион вербует «в дебрях ресторана гражданина Епифана».

**Епифан казался жадным, хитрым, умным, плотоядным,
Меры в женщинах и в пиве он не знал и не хотел.
В общем, так: подручный Джона был находкой для шпиона.
Так случиться может с каждым, если пьян и мягкотел.**

И Джон дает ему пару «шпионских заданий»:

**...И ещё. Побрейтесь свеже. И на выставке в Манеже
К вам приблизится мужчина с чемоданом — скажет он:
"Не хотите ли черешни?" Вы ответите: "Конечно".
Он вам даст батон с взрывчаткой — принесёте мне батон.
А за это, друг мой пьяный, – говорил он Епифану, –
Будут деньги, дом в Чикаго, много женщин и машин..
Враг не ведал, дурачина: тот, кому все поручил он,**

Был чекист, майор разведки и прекрасный семьянин...

Игорь Иргеньев (70 лет), очень хороший, очень ироничный российский поэт, автор многих поэтических сборников; хотя его почему-то называют «правдорубом», я думаю, что топор – вовсе не его поэтический инструмент, ему больше подошел бы скальпель хирурга.

Идет страна моя ко дну
Со мною заодно,
А мне обидно за страну
И боязно за дно.

**

Не говори мне про застой,
Про то, что Брежнев в нем виновен,
А я-то думал, что Бетховен,
Ну, в крайнем случае, Толстой.

**

Нет, не люблю я этих марсиан,
Народец, скажем прямо, хероватый,
К тому же пьющий, да и вороватый,
В отличие от нас, от россиян.

**

В помойке роется старушка
На пропитания предмет,
Заплесневелая горбушка —
Ее бесхитростный обед.
Горбушку съест, попьет из лужи,
Взлетит на ветку — и поет,
Покуда солнце не зайдет.
А там, глядишь, пора на ужин...

Дмитрий Быков (50 лет), известный (и очень талантливый!) современный российский писатель, поэт, литературовед; помимо всего этого, является автором сатирических программ «Гражданин поэт» (совместно с актером М. Ефремовым) и ряда других подобных (*ниже – отрывок на тему российского президента и российской властной элиты*):

Мы там не были, мы это не пойдем:
Кто работал в ФСБ или Газпроме,
Кто помечен или выращен Кремлем,
Тот нигде уже не сможет выжить, кроме.
Вон и Главный, на Валдайскую среду
Поглядевший, как удав, хотя и сытый,
Намекнул, что в восемнадцатом году
Не расстанется ни с троном, ни со свитой.
Будет вечен нерушимый их союз,
Как застывший поцелуй с картины Климта.
Никуда они не денутся, боюсь.
Да куда им и устроиться, таким-то?..
